

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издателя	7
Предисловие	11
ГЛАВА 1	
Груз прошлого.....	16
ГЛАВА 2	
Промышленная контрреволюция	36
ГЛАВА 3	
Централизация и неопределенность	69
ГЛАВА 4	
От мировой экономики к мировой войне	102
ГЛАВА 5	
Сумерки богов	140
ГЛАВА 6	
Мертвая рука	188
ГЛАВА 7	
Выхолощенный капитализм	213
ГЛАВА 8	
Верховенство беззакония	249
ГЛАВА 9	
Немирное сосуществование	288
ГЛАВА 10	
Сплести страховочную сетку заново	323
ГЛАВА 11	
Судорожная либерализация.....	364
Эпилог	400
Предметный указатель	404

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Глобализация — модная тема. Одних только книг по ней, вышедших на русском языке, насчитывается, вероятно, уже не один десяток. И все же мы решили выпустить перевод очередной работы, посвященной развитию глобального экономического обмена. Чем обусловлено такое решение?

В своей книге Б. Линдси формулирует и обосновывает оригинальный взгляд на процесс экономической глобализации (т.е. развития международной торговли и мировых рынков). По его мнению, она не является плодом политики, сознательно и последовательно проводимой какими-либо правительствами или корпорациями и направленной на укрепление международных рынков или ослабление национального суверенитета. Наоборот, глобализация — результат, полученный независимо от чьих-либо замыслов и даже вопреки им. По сути, она есть побочный продукт политики дерегулирования и ослабления государственного вмешательства в экономику, которая проводилась во многих развитых и развивающихся странах начиная с конца 70-х гг. и была вызвана разочарованием в проектах построения смешанной или полностью государственной экономики. Ни о каком «рыночном фундаментализме», которым принято пугать доверчивых обывателей, речи не шло и не идет. Неохотная и непоследовательная либерализация внутренних рынков неожиданно для всех привела к бурному развитию рынков международных.

Б. Линдси противопоставляет свою концепцию распространяемым теориям как сторонников, так и противников глобализации. И те и другие зачастую объясняют ее развитием определенных технологий. При этом «глобалисты» впадают в эйфорию и провозглашают уже наступившую бесповоротную победу международного разделения труда над национальным суверенитетом, этатизмом и автаркией. «Антиглобалисты» же, соглашаясь с «глобалистами» по существу, оценивают эти «факты» отрицательно и призывают к противостоянию космополитической силе международного капитализма, к борьбе за сохранение суверенитета, за укрепление институтов госрегулирования на

национальном уровне и за протекционизм. И те и другие исходят из ложных теоретических посылок и неадекватно интерпретируют факты.

Оригинальность трактовки, не совпадающей с мнениями обоих противостоящих «лагерей», — одна из главных причин, по которой книга Б. Линдси будет полезна и интересна всем, кого волнуют проблемы глобализации и развития международной экономики.

Еще одним достоинством, которого зачастую лишены прочие книги о глобализации, является то, что автор встраивает описание происходящих ныне процессов в широкий исторический контекст. Он подчеркивает, что нынешняя волна глобализации вовсе не первая. Исходной точкой его исторического обзора служит промышленная революция XVIII—XIX вв., которая была результатом либерализации законодательства в сфере экономики. Промышленная революция породила первую волну глобализации во второй половине XIX — начале XX в., которая была сопоставима с нынешней, а по некоторым параметрам превосходила ее. Относительно свободный рынок (внутренний и международный) вызвал бурное развитие технологий транспорта и связи, что привело к резкому снижению издержек, связанных с международной торговлей, финансами и миграцией.

Весь XX век прошел под знаком реакции против промышленной революции — Б. Линдси называет ее «промышленной контрреволюцией». На этой реакции основывали свое влияние антикапиталистические политические течения, как «правые», так и «левые» (коммунизм, национализм, социал-демократия, кейнсианство и т.д.). Трудности, переживаемые политико-экономическими системами, основанными на этих идеологиях, а то и полное их банкротство стали причинами той волны либерализации, которая неожиданно привела ко второй глобализационной волне.

Автор подкрепляет свою концепцию богатым историческим материалом. Можно соглашаться или не соглашаться с ней, но сам опыт рассмотрения глобализации в широком историческом контексте важен и полезен для любого исследователя.

Еще одна важная особенность книги в том, что она написана не кабинетным теоретиком, а практиком, значи-

тельную часть жизни проработавшим в сфере международных экономических отношений. Ныне он возглавляет Центр исследований международной торговли при Институте Катона — одном из ведущих американских аналитических центров, разработки которого оказывают существенное влияние на формирование внутренней и внешней политики страны.

Б. Линдси, несомненно, является сторонником свободного рынка и максимального развития международных экономических связей, так как считает все это важным средством повышения благосостояния народов, в том числе беднейших. Но он весьма далек от эйфории по поводу нынешнего положения дел. Ветер может легко перемениться, и мир может оказаться снова ввергнутым в череду войн и пучину нищеты.

По мнению Редакционного совета серии, книга Б. Линдси будет весьма полезна российскому читателю для понимания процессов, происходящих в мировой экономике, и заполнит ряд существенных пробелов в русскоязычной литературе, посвященной экономической глобализации.

*В. Завадников,
Председатель Редакционного совета
Февраль 2006 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Согласно популярной точке зрения, глобализация в современном мире представляет собой чрезвычайно могущественную, практически неодолимую силу. Обычно в ней видят некоего джинна, который каким-то образом сумел вырваться из бутылки и теперь диктует свою волю всему миру. Предполагается, что национальные правительства утратили значительную часть суверенитета в пользу новой верховной власти глобализации.

Такое понимание происходящего распространено по обе стороны идеологических границ. Как друзья, так и враги глобализации изображают ее как более или менее беспрепятственно одержанную победу рынков над правительствами — экономических сил над политической властью. Естественно, идут горячие споры о том, как к этому относиться — ликовать или плакать, но нет сомнений в том, что все уже свершилось.

Эта книга написана с противоположных позиций. Я пытаюсь доказать, что распространенное представление о глобализации сильно расходится с реальностью. Общепринятая интерпретация недостаточно учитывает исторический контекст. Данная книга пытается восполнить этот пробел; в ней предпринята попытка увязать глобализацию с прошлым, которое ее породило.

Если вихрь современных событий рассматривать в надлежащем контексте, становится ясно, что глобализация не является некой неожиданно сорвавшейся с цепи демонической силой. Напротив, она предстает в виде сознательно выбранной ответной меры на всемирный провал проектов централизованного планирования и иерархического контроля. В последние два десятилетия правительства самых разных стран столкнулись с серьезными экономическими болезнями — как в форме острого кризиса, так и в виде хронически низкой эффективности, — порожденными десятилетиями дисфункциональной антирыночной политики. В ответ на эти недуги правительства ослабили государственное вмешательство в экономику и расширили пространство рыночной конкуренции. В частности, одним

из последствий общей либерализации было устранение барьеров на пути международной торговли и инвестиций. Самым значительным событием последних десятилетий стало включение в международную рыночную экономику огромных масс населения, прежде совершенно отрезанного от остального мира, — в советском блоке, в Китае, Индии и многих других развивающихся странах. В итоге впервые можно говорить о поистине глобальном разделении труда.

Утверждение, что глобализация вынудила правительства принять прорыночную политику против их воли, не соответствует действительности. Напротив, глобализация стала возможна только благодаря провалу политики коллективизма и благодаря решимости правительств, столкнувшихся с этим провалом, выбрать рыночную альтернативу. Таким образом, в популярном понимании глобализации, равно разделяемом как ее сторонниками, так и противниками — катастрофистами, основное направление исторических причинно — следственных связей перевернуто с ног на голову.

Но, хотя глобализация стала результатом разрыва с коллективистским прошлым, этот разрыв ни в коем случае не был окончательным и бесповоротным. Несмотря на ликование в одном лагере и скрежет зубовой — в другом, триумф рынков нигде не наблюдается. Мир только начинает преодолевать затянувшийся на целое столетие флирт с доминированием государства в экономике. Рыночная конкуренция, с одной стороны, все так же сдерживается избыточным регулированием всего и вся, а с другой — подрывается отсутствием поддерживающей институциональной инфраструктуры. «Невидимая рука» рынков, возможно, уже набирает силу, но «мертвая рука» старой коллективистской мечты все еще сильна и влиятельна.

Более того, главной причиной «успешного наступления» рынков является то, что других вариантов просто не просматривается. За некоторыми исключениями большинство государственных лидеров, обратившихся к рыночным реформам, сделали это не в силу своей приверженности идеалам экономического либерализма, но из чистого прагматизма, а точнее — из-за отсутствия других жизнеспособных

альтернатив. Как следствие, реформы слишком часто проводились без особого энтузиазма, а потому оказывались половинчатыми.

Таким образом, нынешний эпизод глобализации следует считать переходной эпохой — беспокойным, но полным надежд междуцарствием: с одной стороны — обанкротившиеся упования на централизованное регулирование, с другой — многообещающие перспективы экономической свободы. Идет борьба между прошлым и будущим, и напряжение периодически прорывается мощными потрясениями. Финансовые кризисы, которые в недавнем прошлом прокатились по Восточной Азии, России и Латинской Америке, свидетельствуют о нестабильности сложившегося положения дел.

Будучи директором Центра изучения торговой политики в Институте Катона, я осуществлял мониторинг международной торговой и инвестиционной политики США и других стран и готовил рекомендации по ее совершенствованию. Благодаря этой работе я оказался в эпицентре эйфории по поводу глобализации, постоянно имея дело с Североамериканским соглашением о свободной торговле, Всемирной торговой организацией и другими подобными учреждениями. А до того как занять мой нынешний пост в Институте Катона, я несколько лет работал юристом в сфере международной торговли, представляя главным образом компании из стран Юго-Восточной Азии, экспортирующие товары в США. Работа, заставлявшая меня ежегодно по три-четыре месяца проводить в разных местах Тихоокеанского кольца, позволила мне непосредственно соприкоснуться с динамизмом и разочарованиями жизни в глобальной экономике.

Выполняя свои профессиональные обязанности, я вновь и вновь сталкивался с исторической близорукостью, которой страдают публичные дебаты о глобализации. Оппоненты, не мудрствуя лукаво, просто принимают как аксиому то, что свободные рынки на коне и правят миром, а потому противникам рыночно ориентированной политики удастся без труда взваливать на нее вину за все жестокости и страдания мира. Влияния прошлого на сегодняшнюю ситуацию слишком часто не замечают; о непростительных провалах,

предшествовавших рыночным реформам, слишком часто забывают; вред, приносимый пережитками антирыночной политики, слишком часто игнорируют. Таким образом, господствующие заблуждения относительно глобализации способствуют непрекращающимся спорам, повышая вероятность того, что процесс отчаянно необходимой либерализации экономики будет замедлен или даже обращен вспять.

Я написал данную книгу в попытке изложить ситуацию как она есть — рассказать подлинную историю глобализации и предложить трезвую оценку достигнутого и перспектив. Решая эту задачу, я вышел за пределы моих профессиональных познаний в области права и государственной политики и погрузился в сферы истории, экономической теории, социологии и политической науки. Сделав все возможное для того, чтобы не запутаться в деталях, я, тем не менее, не сомневаюсь, что мои набегі на отдельные области знаний иногда заставят специалистов поморщиться. Я прошу о снисхождении и в свою защиту могу сказать лишь, что, работая с большим холстом, приходится делать крупные мазки, а прошлое, настоящее и будущее мировой экономики — это, воистину, очень большой холст. Надеюсь только на то, что подлинность картины в целом извинит небольшие погрешности в деталях.

Я в долгу перед многими людьми. Начну с Эда Крейна, президента Института Катона, который с самого начала неизменно оказывал мне поддержку. Если бы не его вера в меня, не великодушие, с которым он предоставил необходимые мне время и ресурсы, эта книга не была бы написана. Позвольте мне также в самом начале признать заслуги Мэтт Холт, моего редактора из издательства John Wiley & Sons, которая верила в мою работу и помогла мне преодолеть все трудности издательского процесса.

Проводя исследования, необходимые для этой книги, я путешествовал по всему земному шару и при этом опирался на содействие людей, помогавших мне разрабатывать маршруты поездок, договариваться об интервью и добираться в труднодоступные места. Я бы хотел особенно поблагодарить Бийонг-Хо Гонга, Ноюнга Парка, Джеффа Макдональда, Томаса Ларсона, Порнпрома Карнчанача-

ри, Чака Холмса, Баруна Митра, Джала Кхамбата, Джерардо Бонджованни и Фернандо Баха.

Вирджиния Пострел, Дэвид Фрам, Дуг Ирвин, Разин Салли, Дэвид Боаз, Том Палмер, Ян Васкес, Дэвид Хендерсон и Хосе Пиньера любезно ознакомились с разными черновыми набросками книги. Конечный продукт сильно выиграл благодаря их ценным комментариям и критике; разумеется, они не несут никакой ответственности за оставшиеся в тексте ошибки. Скотт Линсиком, мой помощник, оказал бесценную помощь в поиске источников, сверке цитат и примечаний и в составлении списка ссылок.

Моя жена Дебби заслуживает орден за сверхчеловеческое терпение, с которым она переносила мою погруженность в работу. Наконец, позвольте мне крепко обнять (вербально) трех моих сыновей — Мэтью, Майкла и Джека. Эта книга посвящена им — и тому сложному, трагичному и восхитительному миру, который унаследуют от нас они и все наши дети.

ГРУЗ ПРОШЛОГО

На берегу Москвы-реки, недалеко от ЦПКиО им. Горького, находится кладбище памятников погибшей эпохи. Его разместили на территории Новой Третьяковской галереи — массивного унылого здания, в котором экспонируется главная коллекция живописи в жанре социалистического реализма. Прогуливаясь по безлюдным залам музея, можно полюбоваться такими забытыми шедеврами, как «Собрание деревенской коммунистической ячейки» Ефима Чепцова, «Ужин трактористов» Аркадия Пластова и «Строительство домны на Кузнецком металлургическом комбинате» Петра Котова. Выйдите на улицу, заверните налево за угол — и вы попадаете на кладбище.

На нескольких акрах земли под открытым небом расположились поверженные идолы советской эпохи. Центральный экспонат коллекции — огромная статуя основателя советской тайной полиции Дзержинского, до неудавшегося августовского переворота 1991 г. стоявшая перед штаб-квартирой КГБ в центре Лубянской площади. Здесь вы увидите множество статуй и бюстов Ленина и статую Сталина из красного мрамора, со слегка поврежденным лицом, бесстрастно вззирающую на внушающее ужас скопление каменных голов, запертых в клетках из колючей проволоки.

Когда я оказался там в конце жаркого июльского дня 1999 г., зрителей на кладбище было немного. Небольшие группы неспешно бродили по бетонным дорожкам, в высокой нестриженной траве на садовых скамейках сидели парочки. Недалеко от музея разместилось маленькое летнее кафе. Люди за столиками под зонтами пили джин с тоником из алюминиевых банок.

На кладбище погибших монументов грандиозные амбиции и безжалостная власть советской эпохи превратились в китч. Но ироничный дух этого места не способен победить

глубокое, гнетущее чувство подавленности. Среди мертвой тишины и косых теней суровые взгляды поверженных вождей все еще вызывают дрожь, все еще леденит душу их нечеловеческая — слишком человеческая — надменность. Прошлое умерло, но все еще с нами.

И так по всей Москве. Ухмылка разочарования сквозит повсюду. На Арбате можно купить майки с МакЛениным, а в любом табачном киоске — сигареты «Прима Ностальгия» с фигурой Ленина или Сталина на пачке; сидя в караоке-баре на Тверской, можно услышать, как молодежь, ерничая, распевает революционные гимны; жуя гамбургер в *T.G.I. Friday* рядом с Красной площадью, можно глазеть на кремлевскую стену. Однако Ленин все еще лежит в своем мавзолее, готические силуэты сталинских высоток возносятся над городом, гранитный Маркс все так же хмуро взирает на площадь Революции, а эскалаторы метро погружают тебя в фантазмагорический мир торжества социализма. Вся Москва — это гигантское кладбище памятников погибшей эпохи.

Мертвая хватка прошлого отчетливо ощущается в бывшей мировой столице коммунистической революции, но в той или иной степени ее чувствуешь во всех уголках планеты. Потому что коммунизм по советскому образцу был лишь крайним проявлением гораздо более широкого видения, воодушевлявшего мировую историю на протяжении большей части XX в., — мечты о централизованном контроле и руководстве ходом экономического развития. Проект рухнул, похоронив мечту. Она умерла в США и в Западной Европе во времена стагфляции 1970-х. Она умерла в Китае, когда Дэн Сяопин провозгласил, что «неважно, какого цвета кот, лишь бы ловил мышей». Она умерла в Латинской Америке в ходе долгового кризиса и потерянного десятилетия 1980-х. Она умерла в Советской империи после крушения Берлинской стены. И наконец, она умерла в Юго-Восточной Азии, когда лопнул «мыльный пузырь» в Японии и регион потряс финансовый кризис 1997–1998 гг.

Смерть этой незаконнорожденной мечты более чем любой другой фактор оказывает формирующее влияние на процесс, получивший название «глобализация»¹. В конце концов, до тех пор пока значительная часть мира

открыто отказывалась от участия в мировом разделении труда, по-настоящему глобальная экономика была невозможна. Но за последние два десятилетия барьеры на пути свободного движения товаров, услуг и капитала постепенно были разрушены — и в образовавшуюся брешь хлынули компании, инвесторы и потребители. Благодаря этому сегодня для иностранной конкуренции открыта более значительная часть мировой экономики, чем когда-либо в прошлом.

Либерализация международных операций — это лишь один из аспектов происшедших перемен. С утратой веры в государственное регулирование рынки стали играть более активную роль в формировании экономических отношений как на международном, так и на внутреннем уровне. Готовность допустить иностранных конкурентов на внутренний рынок шла рука об руку с готовностью допустить конкуренцию внутри страны. Либерализация торговли и инвестиций поэтому является одним из элементов прорывной политики, включавшей в себя, в частности: приватизацию государственной промышленности; приверженность денежной политике стабилизации цен; отказ от регулирования цен и устранение барьеров входа на рынок, поддерживаемых внутренними монополиями и олигополиями; возрождение рынков труда; реформу налоговой системы и перестройку финансовых институтов, имеющую целью сделать процесс размещения капитала более чутким к прибыльности рынков.

Однако всеобщее разочарование в централизованном регулировании не до конца расчистило поле деятельности для рыночных сил. Движение к более либеральной политике началось посреди руин старого порядка и вынуждено было преодолевать противодействие сильно деформированных условий. Как следствие, переход зачастую протекал весьма болезненно. И этот процесс еще далеко не завершен. Мировая экономика засорена обломками дискредитированных систем, повсеместно мешающих настоящему и затемняющих будущее. Старый порядок мертв, но «мертвая рука» оставшихся в наследство от него институтов, умонастроений и влиятельных социальных групп все еще довлеет над миром.

Большинство популярных описаний глобализации сосредоточено на ее нововведениях. И это понятно: мировая экономика сегодня переполнена небывалыми новациями. Компании размещают свои производственные процессы по всему миру: НИОКР в одном месте, производство компонентов — в другом, сборка и контрольные испытания — в третьем. «Горячие деньги» носятся по миру, повинаясь щелчку компьютерной мыши. Умопомрачительные суммы мелькают на экранах компьютеров валютных трейдеров. В мире, где информация перемещается со скоростью света, а за ней по пятам следует капитал, люди, определяющие национальную экономическую политику, должны следить за событиями за рубежом с особенным вниманием и осторожностью.

Но сегодняшняя мировая экономика — это далеко не только блеск и великолепие. Прошное отбрасывает длинные тени, и его влияние все еще огромно. Поэтому любая картина глобализации, которая игнорирует исторический контекст или дает неверное ему толкование, в лучшем случае будет неполной, а в худшем — искаженной и дезориентирующей.

И сторонники, и критики глобализации охотно рассуждают о том, как давление международной конкуренции ограничивает политические решения на национальном уровне. Предлагаемый ими анализ, как правило, дает неверное представление о природе этих ограничений, и в итоге за кадром остается истинное значение глобализации. Обе стороны склонны ошибочно истолковывать сложившуюся ситуацию как результат доминирования обретших новую энергию экономических сил над политической властью. К сожалению, такая интерпретация усиливает антиглобалистские настроения, поскольку маскирует глубокую фундаментальную слабость позиций этого лагеря.

Следует признать, что шумиху о бессилии правительств в условиях новой глобальной экономики подняли сами друзья глобализации. В этом отношении типичны волнующие заголовки двух книг гуру менеджмента Кеничи Омаэ: «Мир без границ» и «Конец национального государства». Другой видный проповедник этой точки зрения — журна-

лист Томас Фридмен. В своей знаменитой книге «“Лексус” и оливковое дерево» он пишет о «золотой смирительной рубашке», которая вынуждает правительства проводить рыночную политику из опасений вызвать ярость «электронной орды» международных инвесторов.

Подобно многим, Фридмен считает, что новое положение дел сложилось благодаря прорыву в телекоммуникационных и информационных технологиях. Неисчерпаемый источник ярких метафор, он идентифицировал «синдром микрочипового иммунодефицита», или MIDS, как «главную политическую болезнь эпохи глобализации». Согласно Фридмену:

MIDS-инфекцией заражены страны и компании, в которых до сих пор действуют модели корпоративного управления времен «холодной войны», когда один человек или группа людей наверху владеет всей информацией и принимает все решения, а все, кто находится на средних и самых нижних уровнях иерархии, — простые исполнители. ...Единственное известное лечение для стран и компаний с MIDS-инфекцией — ...демократизация процедур принятия решений и информационных потоков, а также децентрализация власти, с тем чтобы как можно больше людей в вашей стране или компании получили возможность знать, экспериментировать и быстрее внедрять новшества².

Тем временем критики глобализации подняли ответную волну. Им кажется, что мир выходит из-под контроля. Экономические силы, говорят они, разрушили традиционные связи и теперь бесчинствуют по всему земному шару. Подобно своим оппонентам, главным виновником такого развития событий критики глобализации назначили компьютерную революцию. Но, с их точки зрения, новоявленное могущество рынков представляет собой не «золотую смирительную рубашку», а безумную, губительную «гонку по нисходящей». Под давлением безудержной международной конкуренции потерявшие ориентацию правительства, пытаясь избежать оттока капитала, вынуждены демонтировать систему социальной защиты. Чтобы предотвратить катастрофу, необходимо восстановить контроль.

Артур Шлезингер-младший, старейший защитник атакуемого старого порядка, с особой живостью исполняет этот знакомый рефрен:

Компьютер превращает ничем не сдерживаемый рынок в неумолимую, сокрушающую всякие границы силу, которая подрывает национальные системы налогообложения и регулирования, разрушает национальное регулирование процентных ставок и валютных курсов, углубляет пропасть между богатством и бедностью внутри отдельных стран и между странами, заставляет снижать уровень требований к условиям труда, губит окружающую среду, лишает народы возможности распоряжаться своей экономической судьбой. Никому не подотчетная, эта сила создает мировую экономику без мирового правительства³.

Международная экономическая интеграция и в самом деле ограничила свободу действий национальных политиков, а Интернет и другие технологические чудеса и в самом деле ускорили эту интеграцию. Однако даже беглого взгляда на мировые события достаточно, чтобы убедиться, что значительная часть риторики обеих сторон до смешного преувеличена. Правительства по-прежнему оказывают огромное всестороннее влияние на экономическую жизнь. В большинстве стран Западной Европы государственные расходы все еще превышают 50% национального дохода. В последние годы на федеральные налоги в США уходит большая доля валового объема производства, чем в любой период после Второй мировой войны. В Китае на государственных предприятиях работают более 80 млн. человек. Конституция Мексики по-прежнему защищает государственную нефтяную монополию⁴.

Бесспорным фактом является то, что давление рынков — даже форсированное и усиленное Интернетом — лишь в малой степени и далеко не всегда способно сдерживать государственную политику. Если позаимствовать метафору Фридмена, «золотая смиренная рубашка» достаточно просторна. Иными словами, прошлое в значительной степени все еще с нами. Почившие в бозе идеи централизованного регулирования оказывают на мировую экономику постепенно ослабевающее, но все еще огромное влияние.

Преувеличивая победу рынков над правительствами, сторонники глобализации играют на руку своим оппонентам. Если сложившаяся в мире ситуация — результат безраздельного господства рыночных сил, значит, именно рыночные силы за все в ответе. В конце концов, сегодняшний мир полон проблем и сложностей. И враги рынков с удовольствием используют предоставленную возможность: азиатский финансовый кризис, коллапс России, хронически высокая безработица в Европе — все это и тому подобное наследство бредовой веры в централизацию и регулирование всего и вся ставится в вину глобальному капитализму. И это перекладывание вины на глобализацию выглядит правдоподобно исключительно благодаря преувеличенной оценке якобы неукротимого могущества рынков.

Критики глобализации используют победную риторику своих соперников еще одним способом. Одно из часто повторяемых обвинений состоит в том, что сегодня мир попал в тиски идеологического экстремизма — слепой и опасной веры в *laissez faire*, игнорирующей жизненно важные общественные потребности. «Проблема глобальной экономики, — заявляет экономический националист правого толка Пэт Бьюкенен, — та же, что и нашей экономической политики, которая основывается на мифе о человеке экономическом и ставит экономическую теорию превыше всего. Обожествление рынков — это такое же идолопоклонство, как и обожествление государства. Рынок должен служить человеку, а не наоборот»⁵.

Тем же путем пошел и финансист Джордж Сорос. В своей книге «Кризис мирового капитализма» Сорос выступил против так называемого «рыночного фундаментализма», или веры в то, что «общественный интерес удовлетворяется наилучшим образом путем предоставления всем возможности удовлетворять собственные интересы, а попытки защитить общественный интерес путем принятия коллективных решений нарушают рыночный механизм». Сорос доходит даже до утверждения, что «рыночный фундаментализм представляет сегодня большую опасность для открытого общества, чем любая тоталитарная идеология»⁶.

Многие антиглобалистские авторы наперебой указывают на то, что нынешнее рыночное «идолопоклонство»

имеет зловещие исторические прецеденты в начале XX в. Тогда, утверждают они, так же как и теперь, экономические силы вышли из-под контроля; тогда, как и теперь, идеология *laissez faire* попирала социальные нужды. В прошлом результаты были трагичны: эксцессы необузданных рынков с их жестокостью и нестабильностью в конечном итоге навлекли на мир войны, тоталитаризм и депрессию. И сегодня, говорят антиглобалисты, возрождение утопической веры в рынки угрожает новым циклом катастроф.

Уильям Грейдер развивает эту мысль в книге «Единый мир, готов или нет». Грейдер, в частности, цитирует исторический анализ Карла Поланьи, автора опубликованной в 1944 г. книги «Великая трансформация». Поланьи доказывал, что катастрофы его времени в конечном итоге могут быть объяснены пороками идеологии *laissez faire*. «Первопричины катаклизмов, — писал он, — лежат в утопической попытке экономического либерализма создать саморегулирующуюся рыночную систему»⁷. Грейдер утверждает, что мы опять ступили на путь к гибели:

Сегодня столь же широко распространено убеждение, что рынок может решить важные общественные проблемы намного лучше, чем любой из смертных. В это верят почти как в религиозную истину, по крайней мере в некоторых кругах правящей элиты, но, как объясняет Поланьи, именно эта идеология в начале XX в. ввергла мир в страдания глобальной депрессии и вызвала рост агрессивного фашизма⁸.

Грейдер далеко не одинок в своем обращении к Карлу Поланьи, который в последние годы превратился в своего рода святого покровителя критиков глобализации. Джордж Сорос в предисловии к книге «Кризис мирового капитализма» отметил, что находится в интеллектуальном долгу перед Поланьи. Часто ссылается на Поланьи и Дэни Родрик из Гарвардского университета, автор книги «Не слишком ли далеко зашла глобализация?». Джон Грей, профессор Лондонской школы экономики, первую главу своей книги «Ложный рассвет: заблуждения глобального капитализма» озаглавил так: «От великой трансформации к глобальному свободному рынку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)